

В редакцию пришло письмо из Иерусалима, от известного участника методологического движения Марка Владимировича Раца. Прочитав материалы номера 2 (33), 2009 посвященные проблеме профессионализма в культуре, он прислал нам фрагмент своей лекции, где разбирается определение «профессионала». Нам кажется, что этот текст, в котором продолжается обсуждение одной из

О роли профессионального сообщества

Марк Рац

доктор геолого-
минералогических наук,
философ
Иерусалим
ratzm@netvision.net.il

ключевых для нашего журнала тем, будет интересным широкому кругу наших читателей, поэтому мы публикуем его с любезного разрешения самого автора. А все статьи на тему выложены на сайте журнала по адресу <http://www.journal.60parallel.org/ru/journal/2009/34>

Профессионализм — довольно сложное явление, и понятия такого у нас, как водится, нет. Подходить к нему можно с разных сторон, вернее всего, рассматривая парные оппозиции, например: профессия — специальность, профессионализм — дилетантство, профессиональное сообщество — профсоюз. В нашей социокультурной ситуации я бы считал ключевой пару «профессия — специальность», потому, в частности, что у нас из всего перечисленного именно специальности всегда были на слуху и играли важнейшую роль в нашей жизни.

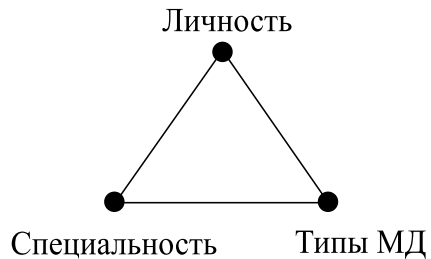
Вопроса о том, что такое «специальность» вообще не возникает. В России существует номенклатура специальностей ВАКа. Там перечислены и пронумерованы все мыслимые специальности, которым учили в советских или учат ныне в российских вузах. Но, если перебрать всю эту номенклатуру специальностей ВАКа и Минвуза, то мы там не найдем таких занятий, как «проектирование», «сценирование», «изыскания», «экспертиза», «авторский надзор». Там нет ни прожективной, направленной на будущее, ни аналитической, связанной с настоящим деятельности. Нет, естественно, и такого типа практики, как (историческая) реконструкция прошлого, которая редуцирована к науке — истории. Но нет, кстати, научных исследований. Всего этого как специальностей нет и быть не может. Это образования принципиально другого рода, нежели такие учебные дисциплины, как физика, химия, кораблевождение или искусствоведение.

Когда ещё в первой половине восьмидесятых годов мы с Георгием Петровичем Щедровицким обсуждали эти темы, он очень любил примеры, которые отчасти были заимствованы из книг Акоффа и объясняли, что такое проектировщик по принципу. «Проектировщику, — говорил он, — безразлично, что проектировать: дамские наряды или атомные электростанции, поскольку он — проектировщик. А предмет проектирования — это предметное образование. Если по исходному образованию он гидротехник, то он будет проектировать гидроэлектростанции, если он художник-дизайнер, то (скорее всего) он будет проектировать дамские наряды. Но коли он про-

ектировщик, то ему как проектировщику вообще-то всё равно, что проектировать».

Нарисуем треугольник, одна вершина которого — специальность (та самая, которой нас учили в вузах), вторая вершина — различные типы мышления и деятельности, а третья вершина — человеческая личность, то есть нечто, способное к рефлексии и самоопределению, анализу ситуации, постановке целей и так далее.

Имея в виду эту схему, я могу теперь сказать, что профессионал — такая это личность, которая, имея определённое предметное образование, специальность (например, химик), способна осуществлять мышление и деятельность разных типов. Например, способна нормировать собственную работу,

способна выращивать учеников (выступать в позиции педагога), способна проектировать нечто, связанное с его химической (в данном случае) технологией и так далее.

С другой стороны, если это человек, получивший не советское предметное образование, а удивительным образом ухитрившийся стать принципиальным проектировщиком или принципиальным программистом, он с равным успехом освоит любую предметную действительность, будь то физика, химия или литературоведение, и будет осуществлять там проектирование в области химической технологии, в области физических производств или литературного процесса. Возможно движение от предмета к проектированию, возможно

и движение от освоенной проектировочной деятельности к предмету.

Специалист, который заканчивает российский (а в прошлом — советский) вуз, получает диплом, где написано, что он специалист с высшим образованием по специальности, например, «культурология». И на этом его профессионализация кончается. А профессионал, в отличие от специалиста, это, как рассказывал нам профессор Теодор Шанин, не просто человек, закончивший Кембриджский или Оксфордский университет, а человек, ставший членом соответствующей профессиональной ассоциации, профессионального сообщества. Мало того, что вы

О роли профессионального сообщества

получаете диплом юриста, Вы обязаны вступить в сообщество английских юристов. И пока вы не оказались членом этого сообщества, то есть, возвращаясь к моей предшествующей интерпретации, до тех пор, пока вы не научились двигаться по позициям и осуществлять применительно к юридической (предметной) действительности работу нормирования (педагогическую, исследовательскую и так далее), до тех пор, пока вы не стали членом сообщества, грош вам цена. Если вас выгонят из сообщества, то можете из Англии уезжать, потому что на работу по своей специальности вы не устроитесь нигде. Можете идти в дворники.

Это принципиальные вещи, поскольку, как показывает наш богатый исторический опыт, *знания заменяют специалистам мышление*. Если он выучил свою химическую технологию или культурологию, то ему уже думать не надо, он уже наперёд всё знает, он уже «учёный». В результате мы в значительной мере имеем то, что имеем. По этому поводу приведу одну цитату — из «Игры в биссер» Германа Гессе:

«...хотя то, чего не существует на свете, людям легкомысленным в чём-то даже легче и проще выразить словами, чем существующее, для благочестивого и добросовестного историка дело обстоит прямо противоположным образом: нет ничего, что меньше подавалось бы слову и одновременно больше нуждалось бы в том, чтобы людям открывали на это глаза, чем кое-какие вещи, существование которых нельзя ни доказать, ни считать вероятным, но которые именно благодаря тому, что благочестивые и добросовестные люди относятся к ним как к чему-то действительно существующему, чуть-чуть приближаются к возможности существовать и рождаться».

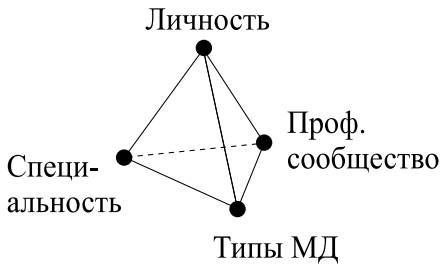
Предмет наших с вами занятий как раз относится к такого рода явлениям. То, о чём мы сегодня толкуем, это то, чего у нас в России ещё точно нет, а в известной мере и в развитых странах ещё только-только формируется. Но если мы, как честные и добросовестные люди, о которых пишет Гессе, попытаемся прорисовать и представить себе, то тем самым оно и появится — сначала в мысли, а потом и в нашей жизни.

Разговор о профессионализме я бы продолжил так. Треугольник «специальность — тип МД — личность» — это схема профессионала — «яркой индивидуальности». Но один в поле не воин, если мы хотим иметь профессионализм как общественно-значимое явление, то надо к этому треугольнику пристроить ещё одну вершину: профессиональное сообщество как держатель профессиональной культуры и субъект развития (чем оно, кстати, отличается от профсоюза, озбоченного правами трудящихся). Такой тетраэдр

для меня может в первом приближении служить схемой профессионализма.

Вопрос из зала (Дмитрий Реут): скажите, а на Западе существуют сообщества по типам – проектировщиков и пр.?

Рац: Конечно. Там существуют такие фантастические сообщества, которые мы и представить себе не можем. Самое любопытное, что в России до большевиков они тоже существовали. Не в таком многообразии и количестве, как сейчас на Западе (всё-таки почти сто лет прошло), но существовали. Допустим, было Общество Воспитанников и Воспитанниц Московского коммерческого училища.

Всероссийское общество, поскольку выпускники этого училища работали по всей России. И с большой буквы их именовали неслучайно: уважаемые люди были, хотя и со средним (по-нашему) образованием (у меня есть Устав этого общества, изданный в девятисотые годы). И таких обществ было сколько угодно: от пекарей до аптекарей.

В Америке есть знаменитое Общество гражданских инженеров, которое насчитывает десятки и сотни тысяч членов. В Америке трудно работать инженером, не будучи членом этого общества. А когда я первый раз попал во Францию, у меня там оказался дальний родственник, химик. Он меня отвёл в некую квартирку в центре Парижа, на дверях которой вывеска

была: «Французское общество химиков-пластификаторов». В этом сообществе, как я выяснил, состоит примерно 300 человек, у них есть председатель, который работает на общественных началах, секретарь, который работает за зарплату, и журналист, который выпускается ротационным способом (это было десять лет назад), где все новости химии пластмасс излагаются.

В Советском Союзе, конечно, ничего подобного не было и быть не могло. Похожи были наши «творческие союзы», но, в-первых, предназначались они только для «творческих работников», а, во-вторых, функции у них были ровно противоположные — этих самых работников контролировать. В последние лет семь-восемь, по моим наблюдениям, в России стали появляться сообщества типа профессиональных в указанном смысле, но их пока мало, и роль их в нашей жизни довольно незначительна. На русском языке стали появляться и книги, посвящённые разным типам мышления и деятельности, а не предметным специальностям. Это книги о проектировании, экспертизе, разведке (тоже интересный тип мышления, это вам не химия какая-нибудь). Так что дело потихоньку движется, и что-то за этим реально стоит. Но движется медленно, а это, по-моему, как раз тот случай, когда можно процесс интенсифицировать: вреда не будет. Если мы хотим вырастить в России открытое, развивающееся общество, то формирование профессиональных сообществ — наряду с сообществами по интересам, региональными, политическими (партиями) — один из важнейших процессов, обеспечивающих его становление.